

А. Г. Лундин

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ В ЮЖНОЙ АРАВИИ

в I тыс. до н. э.

СООТНОШЕНИЕ мукаррибов и царей, разных типов правителей в государствах Южной Аравии, представляет собой одну из важнейших проблем истории древнего Йемена. Ею занимались очень многие ученые, начиная еще с Д. Х. Мюллера¹ и до наших дней², однако и до сих пор в трактовке этого вопроса существуют самые различные мнения. Господствовавшая на протяжении долгого времени точка зрения, по которой власть мукаррибов предшествовала власти царей, очень серьезно подорвана палеографическими исследованиями Ж. Пиренн³, хотя и продолжает сохранять некоторое число сторонников⁴. Однако и мнение Ж. Пиренн, что власть в государствах Южной Аравии с самого начала осуществляли цари, а правление мукаррибов было лишь эпизодическим, еще далеко не может считаться доказанным или принятым.

Почти все ученые пытались разрешить проблему соотношения мукаррибов и царей, исследуя характер власти мукаррибов и специфику их функций⁵, тогда как функции царей представлялись заранее известными и не затрагивались исследователями. Между тем именно это направление исследования дает материал для решения проблемы.

В основу настоящей работы положены сабейские надписи как наиболее многочисленный и массовый материал; кроме того, они лучше изучены палеографически и хронологически. Данные эпитафические других государств Южной Аравии, в частности Катабана, автор привлекает лишь в качестве сравнительного материала.

Функции сабейских царей специально исследовал только Ж. Рикманс⁶, разделявший их по титулу на две группы: «царей Саба» и «царей Саба» и

¹ D. H. Müller, Die Burgen und Schlösser Südarabiens nach dem Iklil des Hamdānī, II, SBAW, 97, 1881, стр. 981.

² Г. М. Бауэр, «Мукарриб» и «царь» (К вопросу о государственном строе древней Сабы), ВДИ, 1964, № 2, стр. 17—36.

³ J. Pirenne, Paléographie des Inscriptions sud-arabes, I. Des origines jusqu'à l'époque himyarite, Brussel, 1956.

⁴ См., например, H. Wissmann, Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien, «Sammlung E. Glaser. III» (SBAW, 246), Wien, 1964, стр. 27—39 и 387—390.

⁵ Этому посвящена, в частности, дискуссия о том, имела ли власть мукаррибов теократический характер: М. Нёфнер, War der sabäische Mukarrib ein «Priesterfürst»? WZKM, 54, 1957, стр. 83—85; Бауэр, «Мукарриб» и «царь», стр. 18.

⁶ J. Ruckmans, L'Institution monarchique en Arabie Méridionale avant l'Islam (Ma'in et Saba) («Bibliothèque du Muséon», 28), Louvain, 1951, стр. 101—158.

зу-Райдана». Однако впоследствии работами Ж. Пиренн, Г. Виссмана и особенно самого Ж. Рикманса⁷ было установлено, что эти титулы в течение долгого времени существовали параллельно; это заставляет нас рассмотреть вопрос заново.

Еще А. Бистон на основании первого исследования Ж. Рикманса выделил «традиционную династию» царей Саба⁸, члены которой носят исключительно имена и прозвища, характерные для сабейских мукаррибов⁸. Вряд ли можно говорить об особой династии, однако именно она-мастика позволяет выделить особую категорию «ранних царей Саба⁸», т. е. царей, которые носят исключительно имена и прозвища, характерные для сабейских мукаррибов: Кариба'ил, Йада'ил, Йаса'амар, Сумху'алай, Замар'алай и Йакрубмалик (и прозвища Ватар, Баййин, Йануф и Зарих)⁹.

Более поздние цари Саба⁸, одновременные царям Саба⁸ и зу-Райдана, равно как и эти последние, также довольно часто носят традиционные имена, однако наряду с ними в той же династии употребляются и новые, нетрадиционные имена и прозвища; иногда к традиционным имени и прозвищу прибавляется второе, нетрадиционное прозвище (например, Кариба'ил Ватар Йухан'им, Замар'алай Ватар Йухан'им), что позволяет отличить их от «ранних царей Саба⁸».

В более общем виде положение в Сабейском государстве на протяжении всего I тыс. до н. э. можно охарактеризовать следующим образом: власть осуществляют правители, носящие исключительно характерные имена и прозвища, перечисленные выше. Эти правители могут носить титулы mkrb или mlk, но могут быть упомянуты и просто по имени (или по имени и прозвищу), без титула. В употреблении титулов можно заметить хронологические и функциональные различия.

На протяжении первого этапа, традиционно называемого «периодом мукаррибов Саба⁸», встречается почти исключительно титул mkrb. Этот этап заканчивается надписями графического периода С включительно, т. е. около 300 г. до н. э. Для второго этапа, который начинается с графического периода D, характерен титул mlk, тогда как титул mkrb, по-видимому, не встречается. Тем не менее определенную границу между этапами обнаружить не удается.

Упоминания правителей без титула встречаются на протяжении всего I тысячелетия до н. э. При этом для первого этапа характерно упоминание по имени, а для второго — по имени и прозвищу¹⁰, однако в этом правиле, по-видимому, наблюдаются исключения.

Титул mkrb употребляется только самими мукаррибами, никакие другие лица не упоминают этого титула¹¹. По-видимому, он был табуирован и его упоминание другими лицами было запрещено¹². Напротив, титул mlk употребляется в равной степени как самими царями, так и другими лицами. Таким образом, мы приходим к выводу, что следует особо выделить те надписи, в которых правители сами называют свой титул: титулатура, даваемая им другими лицами, может не быть показательной. Однако существует особая категория надписей, в которых авторы носят традицион-

⁷ J. P i r e n n e, L'Inscription «Ryckmans 535» et la chronologie sudarabe, «Le-Muséon», 69, 1956, стр. 165—181; W i s s m a n, Zur Geschichte..., стр. 43—62; J. R u s k m a n s, La Chronologie des rois de Saba et du-Raydan, Istanbul, 1964.

⁸ A. F. L. B e e s t o n, Problems on Sabaeen Chronology, BSOAS, 16, 1954, стр. 45—48.

⁹ См. J. R u s k m a n s, Institution..., стр. 56.

¹⁰ См. там же, стр. 59—61.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² Исключение составляет лишь Хадрамаут, где титул mkrb употребляется и частными лицами, см. RES, 2687; Ja, 892 (A. J a m m e, Two New Hadrami Inscriptions from Zofar, BO, 24, 1967, стр. 146—148).

ные характерные имена и прозвища правителей, но не называют никакого титула. Они встречаются на протяжении всего исследуемого периода, начиная с графического периода А (Ja, 540—A3). Характер надписей несомненно показывает, что их авторы были правителями, но принадлежность этих текстов царям или мукаррибам остается для нас пока неизвестной.

Число надписей сабейских царей, в которых они называют свой титул, очень невелико, в настоящее время можно насчитать всего семь таких текстов: СІН, 126, 562, 601; RES, 3653, 3903, 3951 и 4370¹³. Еще два текста, авторов которых обычно считают царями, остаются сомнительными: в G1, 1528 титул не сохранился, а в RES, 3919 он, видимо, отсутствовал с самого начала. Отметим для сравнения, что число известных нам надписей сабейских мукаррибов (с упоминанием титула) превышает 50. Такое значительное различие не может быть объяснено случайными причинами.

По палеографическим признакам надписи царей Саба⁷ распределяются между периодами С (RES, 3653—С2), D (RES, 3951—D 1) и E (СІН, 126—E 1; СІН, 562, 601—E2), включая также и более позднюю эпоху (RES, 4370¹⁴ и 3903¹⁵). Следует отметить, однако, что самый титул *mlk/sb*⁷ существовал задолго до графического периода С; он встречается еще в надписи RES, 3945, 15, и хотя неясно, к какому лицу он там относится, само существование титула уже в этот период не может вызывать сомнений.

Почти столь же немногочисленны надписи других лиц, упоминающие царей Саба⁷ с их титулом. Такие упоминания содержат тексты СІН, 37; RES, 4089, 4198, 4624; Fa, 86; G1, 1696¹⁶; Ja, 551, 558 и, может быть, RES, 5103¹⁷. Эти надписи значительно увеличивают число известных царей, но почти ничего не сообщают об их деятельности и функциях, так как подавляющее большинство упоминаний содержится в финальных инвокациях.

По содержанию надписи ранних царей Саба⁷ делятся на две резко различающиеся группы: «декреты», куда входит большая часть надписей (СІН, 126, 562, 601; RES, 3951) и строительные надписи (RES, 3903, 3653, 4370). Все декреты построены по единой схеме и очень схожи; различия в формуляре весьма незначительны¹⁸. Они вводятся стандартной формулой *kn/htb/(whhr)...* «Вот что постановил (и повелел)...», иногда распространенной еще и другими глаголами того же типа. Следует отметить их сходство с декретом СІН, 563 + 956 (С2), автор которого, Йаса^с 'амар Ватар сын Сумху'алайа, не называет своего титула, и с декретом СІН, 976, автор которого неизвестен. Это сходство настолько велико, что можно говорить даже о полной идентичности формуляра.

¹³ Последняя надпись, сообщающая о постройке городской стены Мариба, была высечена во многих экземплярах и, по-видимому, двумя разными правителями. Сохранились лишь фрагменты этих надписей. Текст, даваемый «Репертуаром», явно неполон; в надписях, несомненно, содержался титул автора — *mlk/sb*⁷.

¹⁴ См. J. P i g e n n e, Le Royaume sud-arabe de Qataban et sa datation («Bibliothèque du Muséon», 48), Louvain, 1961, стр. 73 и табл. VIIb.

¹⁵ RES, 3903=Ist. 7632 (A. B e e s t o n, Four Sabaeen Texts in the Istanbul Archaeological Museum, «Le Muséon», 65, 1952, стр. 282—283 и табл. IIIb; ср. J. P i g e n n e, Contribution à l'épigraphie sud-arabe, «Semitica», 16, 1966, стр. 98).

¹⁶ Надпись частично издана Ж. Пирени (J. P i r e n n e, Qataban, стр. 116 сл. и табл. VIIb), но ее реконструкция представляется сомнительной.

¹⁷ Эта надпись настолько фрагментарна, что невозможно установить, кто был ее автором: царь, мукарриб или частное лицо. Можно найти еще некоторое число таких же фрагментов, но они не дают оснований для сколько-нибудь надежных выводов и могут лишь осложнить рассматриваемую проблему.

¹⁸ По-видимому, эти различия вызваны тем, что перед нами в некоторых случаях не полный текст, а сокращенная запись декрета.

Надпись RES, 4624, единственная известная нам надпись частного лица, упоминающая о деятельности царя Саба³, обозначает эту деятельность глаголом *yḥṭb*, т. е. тем же глаголом, каким вводятся царские декреты.

Строительные надписи царей Саба³ очень немногочисленны. Известно лишь три таких текста: RES, 3903, 4370 и 3653 (=G1, 1675), причем последний до сих пор не издан, и мы можем судить о нем только по краткой цитате в «Репертуаре», сообщающей имя и титул автора, и столь же краткому описанию эстампажа Э. Глазера¹⁹. Следует отметить, что описание М. Хёфнер полностью совпадает с теми описаниями, которые она же дает строительным надписям сабейских мукаррибов; в начале и конце текста отмечается та же монограмма²⁰.

Надпись RES, 4370 сообщает о постройке городской стены Мариба и также чрезвычайно схожа с аналогичными текстами мукаррибов; традиционная схема сохранена полностью; по-видимому, в начале и конце текста также имеется традиционная монограмма²¹. Лишь в конце надписи прибавлена «мотивировка» действия: *bšft/wm'd/ttr/whbs/w'lmqh* «по приказу и с помощью 'Астара и Хавбаса и 'Алмақаха». Можно предположить, что это дополнение связано с общей тенденцией сабейской эпиграфики к расширению формуляра, хорошо прослеживаемой в посвячительных надписях. Возможно, однако, что оно объясняется просто важностью и грандиозностью проделанной работы — постройкой оборонительной стены столицы Сабейского государства, завершённой лишь сыном царя, начавшего строительство.

Надпись RES, 3903 сообщает о постройке сабейским царем каких-то сооружений для своей пальмовой плантации. По формуляру она значительно отличается от других строительных надписей царей и от типичных строительных текстов мукаррибов, но совпадает с ранней надписью Ja, 540, в которой правитель не называет своего титула²².

Особого внимания заслуживает надпись Ja, 551 = СГН, 374, высеченная на стене марибского храма. Этот текст сообщает о посвящении 'Алмақаху работ по реконструкции храма; его автор называет себя *'lšrh/bn/smh'ly/drh/mlk/sb* «'Илшарах, сын Сумху'алайа Зариха, царя Саба³». Однако, по нашему мнению, эта надпись не сообщает нам о деятельности сабейских царей. Прежде всего, 'Илшарах называет царем не себя, а только своего отца. Сам он носит нетрадиционное имя²³ и, видимо, с самого рождения был отстранен от наследования царской власти. Параллельные надписи на стене того же храма Ja, 550 и 552—557, сообщающие о таких же действиях их авторов, принадлежат не царям и даже не членам царского рода, а царским чиновникам — қайнам и даже рабам (Ja, 557). Следовательно, ни посвящение, ни храмовое строительство, о которых говорит исследуемый текст, не могут быть отнесены к деятельности сабейских царей.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют выделить только две функции царей Саба³ — политическую, которой посвящено подавляющее

¹⁹ M. Höfner, Die Sammlung Eduard Glaser, Verzeichnis des Glasers-Nachlasses (SBAW, 222), Wien, 1944, стр. 58.

²⁰ Ср. там же, стр. 55, надписи G1, 1558, 1560. Публикацию этих текстов см. M. Höfner und J. M. Sol à Solé, Inschriften aus dem Gebiet zwischen Mârib und dem Gof, «Sammlung E. Glaser, II» (SBAW, 238), Wien, 1961, стр. 30—31.

²¹ См. А. Г. Лу н д и н, Кто построил стену Мариба (в печати).

²² Правда, столь же полную параллель к RES, 3903 представляет надпись Ja, 541 мукарриба Қариба'ила Ватара сына Замар'алайа II, но об этом см. ниже.

²³ Имя 'Илшарах появляется в качестве царского лишь много позднее, не ранее конца I в. н. э. — см. W i s s m a n n, Zur Geschichte ..., табл. III; А. Л у н д и н, Дополнения к списку сабейских эпонимов, ВДИ, 1966, № 3, стр. 88.

большинство текстов, и строительную, занимающую второстепенное положение. Об этом говорит не только редкость строительных надписей, но и тот факт, что строительные работы, в том числе и такие значительные, как реконструкция марибского храма 'Алмақаха, важнейшего из сабейских храмов, осуществляются царскими чиновниками, а не непосредственно самими правителями. По-видимому, только в случае чрезвычайной важности строительства (или в случае личной заинтересованности, как в надписи RES, 3903) его возглавлял сам царь.

Напротив, политическая деятельность — основная сфера деятельности сабейских царей. Они издают декреты и законы, обращенные то ко всем гражданам Сабейского государства (например СІН, 126: ʾdmhw/sbʾ/wfyšn «слугам его, Сабаʾ и Файшан²⁴»), то к жителям одного города (например СІН, 601: lyʾkrb/kbr/šrwḥ/wmšwd/šrwḥ/wšʿbn/šrwḥ «Йацаʿкарибу, кабиру Сирваха, и совету старейшин (ирваха, и племени Сирваха)'). Эти декреты посвящены самым разнообразным вопросам: от уголовного законодательства (СІН, 126) до снабжения продовольствием царского гарнизона, расположенного в одном из городов Сабаʾ (RES, 3951). Наконец, царь издает эти декреты иногда, видимо, единолично (СІН, 126 и 562)²⁵, а иногда — в качестве главы общесабейского совета старейшин, верховного законодательного органа Сабейского государства.

Малочисленность надписей сабейских царей заставляет сомневаться в том, что мы достаточно полно осведомлены обо всех их функциях. В частности, вызывает удивление отсутствие военных надписей царей Сабаʾ или каких-либо других сообщений об их военной деятельности.

Имеется лишь одно косвенное сообщение о войнах сабейских царей. Оно содержится в катанской надписи RES, 3858, 3—4, рассказывающей о войнах Сабаʾ и Катабана, где упоминаются ydʿl/byn/wsmhʿly/ynf/wytʿmr/wtr/wʾmlk/sbʾ «Йадаʿил Баййин и Сумхуʿалай Йануф и Йацаʿамар Ватар и цари Сабаʾ», которые вели войну против Катабана. Этот текст позволяет утверждать, что сабейские цари имели какие-то военные функции, хотя и не сообщает никаких данных о содержании этих функций²⁶.

Однако мы должны отметить, что «военные надписи», т. е. тексты, специально посвященные описанию военных действий, вообще полностью отсутствуют в южноаравийской эпиграфике вплоть до VI в. н. э. Все сведения о войнах, походах, сражениях и т. п., которые мы имеем, черпаются из текстов иного назначения — посвященных, строительных, культурных и т. д. Даже в Сабаʾ II—III вв. н. э., в период ожесточенной борьбы различных династий и непрерывных войн и сражений, когда тема войны становится по существу основной темой надписей, они по-прежнему сохраняют посвященный характер. Надпись устанавливается не для сообщения о победах и подвигах автора, а как знак благодарности за избавление от опасностей, за благополучное возвращение из похода, за неиспаленную добычу и т. п. Причины этого явления остаются неясными, но сам факт отсутствия «военных надписей» надежно установлен и должен учиты-

²⁴ О значении формулы «Сабаʾ и Файшан» см. А. Лундин, К возникновению государственной организации в Южной Аравии, ПС, 17, 1967, стр. 68—70.

²⁵ Если только перед нами не сокращенные записи декретов, в которых сохранено содержание, но опущены формальные моменты — характеристика органа, издающего декрет, и список свидетелей.

²⁶ Аналогичное сообщение содержит надпись СІН, 375=Ja, 550, автор которой рассказывает о своем участии в войне между Сабаʾ и Катабаном. Однако правитель, поручивший ему эти обязанности, назван просто по имени (Йакрубмалик Ватар), без титула. Правда, имя Йакрубмалик до сих пор не засвидетельствовано достаточно надежно как имя мукарриба.

ваться при интерпретации материала. Таким образом, отсутствие военных надписей сабейских царей еще не говорит об отсутствии у них военных функций, и вопрос об этих функциях остается пока открытым.

Напротив, отсутствие в имеющемся материале каких-либо сведений о сакральной деятельности ранних сабейских царей представляется неслучайным. Тексты специально сакрального характера довольно часты в южноаравской эпиграфике и известны от всех периодов истории древнего Йемена. Довольно часты упоминания сакральных действий и в надписях другого характера. Поэтому отсутствие каких-либо сведений о сакральных действиях ранних сабейских царей дает основания для вывода, что они сакральных функций не имели.

Выявленные функции сабейских царей рисуют довольно необычную картину, не совпадающую с традиционными представлениями о царях государств древнего Востока в I тыс. до н. э. Сабейские цари — не «восточные деспоты», обладающие полной и неограниченной властью, которым подчинена вся жизнь страны, которые вмешиваются в малейшие детали управления и хозяйства. Напротив, это правители, которые чрезвычайно редко упоминаются в надписях; их деятельность проявляется почти исключительно в узкой сфере «политических действий» — издании декретов и законов; более того, даже в этой области их власть была ограничена советом старейшин, высшим законодательным и административным органом Сабейского государства.

Установив функции сабейских царей, мы можем провести сравнение деятельности царей и мукаррибов как по формальным признакам, так и по существу этой деятельности; при этом выясняется ряд неожиданных явлений.

По формальным признакам различие царей и мукаррибов является необычайно сложным делом; практически оно возможно только по титулу, а в том случае, если титул по какой-либо причине отсутствует, всегда является весьма ненадежным. Объективных критериев для такого разделения нет. Правда, уже И. Х. Мордтман установил различие в форме титула мукаррибов и царей: в надписях мукаррибов господствует схема «NN, сын MM, mkrb/sb³», а в надписях царей — «NN, mlk/sb³, сын MM»²⁷. Однако материал, обнаруженный позднее, показал, что вторая схема встречается и в текстах мукаррибов (Fa, 70 и, вероятно, СГН, 490), а первая — и в текстах царей (RES, 3951 и, может быть, G1, 1528).

Для упоминаний правителей в титуле и в финальных инвокациях Ж. Рикманс также предложил формальный критерий: упоминание по имени относится к мукаррибам, по имени и прозвищу — к царям²⁸. Однако и в этом правиле, по-видимому, наблюдаются исключения²⁹. Тем не менее в обоих случаях общая закономерность установлена правильно, и имеющиеся исключения не опровергают существования правила. При этом, если появление прозвища можно объяснить все тем же постепенным расширением формуляра, характерным для всей древнейеменской эпигра-

²⁷ J. H. M o r d t m a n n, Beiträge zur minäischen Epigraphik. II, «Semitische Studien» (Weimar), 12, 1897, стр. 110—111; J. R u c k m a n s, Institution..., стр. 103—104.

²⁸ Там же, стр. 59—61.

²⁹ Так, например, надпись списка эпонимов племени Халил G1, 1703, 8 называет несомненного мукарриба по имени и прозвищу — см. А. Л у н д и н, Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil), «Sammlung E. Glaser». V (SBAW, 248), Wien, 1965, стр. 41; А. J a m m e, Les Listes Onomastiques Sabéennes De (?) Şirwâh en 'Arhab, Washington, 1966, стр. 128. Чтение текста в обоих изданиях ненадежно; по-видимому, следует читать Замар'алай Байин.

фики³⁰, то различие в схеме имени и титула имеет, как кажется, некоторый смысловой оттенок.

Действительно, в надписях мукаррибов постановка титула после имени отца отражает наследственность титула: отец мукарриба также был мукаррибом, и это явление настолько обычно, что его даже не требуется отмечать в тексте³¹. Напротив, титул царя носит более индивидуальный характер и ставится сразу после имени. Это указывает на то, что отец автора мог и не быть царем; более того, можно сделать вывод, что и сам автор стал царем не автоматически, по праву рождения, а по каким-то своим, личным заслугам. Это подтверждается и тем фактом, что сыновья царей часто также не имеют царского титула (Ja, 551 и 558), причем не только в тех случаях, когда они носят нетрадиционные имена и, следовательно, по каким-то причинам с самого рождения отстранены от наследования сава отца (Ja, 551), но и в тех случаях, когда они имеют традиционные имена (Ja, 558).

Особо следует отметить случаи, когда надписи упоминают ряд лиц с традиционными именами и прозвищами без царского титула и тут же, бок о бок с ними — царей Саба'. Это, в первую очередь, надпись RES, 3858,3, где упомянуты $yd^c \text{ } ^1/byn/wsmh^4ly/ynf/wyt^omr/wtr/w^m\text{lk}/sb^3$ «Йада^оил Баййин и Сумху^аалай Йануф, и Йаса^оамар Ватар и цари Саба'». Напрашивается предположение, что лица, названные без титула, не были царями и, следовательно (так как характерные имена и прозвища могли носить только мукаррибы и цари), были мукаррибами. Впрочем, можно возразить, что надпись RES, 3858 — катабанская, и ее автор мог не знать сабейских обычаев и порядков: титулатура, даваемая правителю вне пределов его власти, может быть не адекватной его официальной титулатуре³².

Однако имеется и сабейская надпись с аналогичным словоупотреблением: в финальной клаузуле надписи RES, 4089 мы читаем: $byld^c \text{ } ^1/byn/wb/smh^4ly/ynf/wb/ly^c \text{ } ^1mr/byln/mlk/sb^3$ «[Во имя Йада^оила Баййина и Сумху^аалайа Йануфа и [Йаса^оамара Баййи]на³³, царя Саба'». Текст еще более выразителен, чем предыдущий, так как содержит и традиционное прозвище (и, вероятно, имя) царя.

Следует отметить также по крайней мере один случай, когда несомненный царь Саба' упоминается в надписи без титула. Так, в Ja, 558 упомянуты $mr^4yhmw/yd^c \text{ } ^1/bn/krb^1/byn/mlk/sb^3/w^4hhw^1lshr/bn/smh^4ly/drh$ «два господина их, Йада^оил сын Кароба'ила Баййина, царя Саба', и брат его Илшарах сын Сумху^аалайа Зариха». В то же время известна надпись Ja, 551, автор которой — Илшарах сын Сумху^аалайа Зариха, царя Саба'. Идентичность обоих Илшарахов очевидна из финальной формулы Ja, 551: $wb^1bh/w/smh^4ly/drh/mlk/sb^3/wb^1hhw/krb^1$ «И во (имя) отца, его Сумху^аалайа Зариха, царя Саба', и брата его Кароба'ила». При этом, если возможно предположить, что в Ja, 551 Кароба'ил еще не стал царем и поэтому не имеет титула, то для Сумху^аалайа Зариха в Ja, 558 такая возможность исключена. Здесь, несомненно, Сумху^аалай, уже имевший ранее царский титул, назван без титула.

Приведенный материал позволяет констатировать, что в сабейских надписях графического периода D одновременно, иногда даже в одной надписи, упоминаются и мукаррибы, и цари Саба'. При этом и те, и другие

³⁰ Ср., например, постепенное изменение в форме имени отца, также выражающееся в присоединении прозвища.

³¹ Именно поэтому изменение в схеме титула надписи Fa, 70 объясняют, как правило, тем, что отец автора, вероятно, не был мукаррибом: J. R u s k m a n s, *Institution...*, стр. 55; W i s s m a n n, *Zur Geschichte...*, стр. 165—167.

³² Как, например, титул «цари», который носят сабейские правители VIII—VII вв. до н. э. в ассирийских анналах.

³³ Восстановление общепринятое, но тем не менее не абсолютно надежное. Однако конкретное имя царя безразлично для нашего исследования.

могут упоминаться без титула, тогда как с титулом, как кажется, упоминаются только цари.

Однако это явление, по-видимому, объясняется просто случайным характером имеющегося материала; во всяком случае, есть основания предположить, что и в период D еще существовали надписи мукаррибов. Так, во фрагментарной надписи RES, 4125 издатели читают титул mlk[rb]³⁴, тогда как Ж. Пиренн относит ее к графическому стилю D1³⁵. Хотя и чтение, и палеографическая характеристика текста не вполне надежны, от них все же нельзя просто отмахнуться. Кроме того, палеографически к тому же периоду D1 относится надпись СИН, 924, которая представляет собой фрагмент текста, аналогичного «большим надписям» времени мукаррибов (RES, 3943, 3945, 3946). Наконец, палеографически поздней является и надпись Fa, 34, содержащая фрагменты двух сакральных формул — федерации и «возлияния (умащения)»³⁶.

В то же время и титул mlk/sb' «царь Саба» засвидетельствован весьма рано, в знаменитой надписи RES, 3945,15; это упоминание, как считал уже Н. Родоканакис (и его мнение подтвердил детальный филологический анализ этого места текста, проделанный А. Жаммом)³⁷, следует отнести к автору надписи, мукаррибу Кариба'илу Ватару, сыну Замар'алайа II.

Таким образом, формальные признаки показывают принципиальную возможность различения царей и мукаррибов, которая, однако, все время остается лишь вероятностной из-за каких-то исключений или нарушений наблюдаемых закономерностей.

Сравнение деятельности царей и мукаррибов рисует аналогичную картину. Основная функция мукаррибов — строительная³⁸ — полностью совпадает с такой же функцией царей. Совершенно идентичен и характер строительства, и даже формулы надписей, ему посвященных. Однако если для мукаррибов строительство — основной вид деятельности, которому посвящено подавляющее большинство известных нам надписей, то для царей это явно второстепенная, подчиненная функция. Более того, в ряде случаев даже такие важные строительные работы, как реконструкция стены марибского храма 'Алмахаха, поручаются царем должностным лицам меньшего ранга — своим рабам (Ja, 557), кайнам (Ja, 550, 552, 554) или сыновьям, видимо, отстраненным от наследования (Ja, 551) титула.

Напротив, основная функция царей — политическая — в надписях мукаррибов представлена очень скупо, причем всегда в завуалированном виде, с опущением титула (СИН, 610, 637, 563 + 956) или с маскировкой под сакральные (RES, 3946) или строительные (Ja, 541) действия. Встречается даже сочетание двух способов маскировки (Ja, 540). Создается впечатление, что мукаррибы вторгаются в эту сферу деятельности не вполне законно, не в силу функций, органически свойственных сану мукарриба, а скорее в силу своего высокого значения и влияния в других областях жизни, в силу своего фактического высокого положения.

Сакральная деятельность, столь важная для мукаррибов³⁹, в надписях царей не упоминается совершенно. По-видимому, это явление не случай-

³⁴ J. H. Mordtmann und E. Mittwoch, *Himjarische Inschriften in den staatlichen Museen zu Berlin*, MVAG, 37, 1932, стр. 12 и табл. III.

³⁵ Pirenne, *Paléographie...*, стр. 304.

³⁶ См. А. Лунадин, *Государство мукаррибов Саба* (Сабейский эпонимат), Л., 1968, стр. 27—28.

³⁷ N. Rhodokanakis, *Altsabäische Texte. I* (SBAW. 206). Wien, 1927, стр. 29 и 54; A. Jammé, *La paléographie sud-arabe de J. Pirenne*, Washington, 1957, стр. 144—145.

³⁸ См. J. Ruskman, *Institution...*, стр. 62—64; Лунадин, *Государство мукаррибов...*, стр. 27—28.

³⁹ J. Ruskman, *Institution...*, стр. 64—68; Лунадин, *Государство мукаррибов...*, стр. 28—29.

но и не может быть объяснено просто отсутствием соответствующего материала; во всяком случае, и для более поздних царей Саба' и для царей Саба' и зу-Райдана, деятельность которых очень подробно освещена многочисленными надписями, сакральные функции также не засвидетельствованы.

Сравнение деятельности сабейских мукаррибов и царей I тыс. до н. э. показывает, с одной стороны, резкие различия в характере, с другой, — совпадение объема и частично даже содержания этой деятельности. Мукаррибы и цари — параллельные должности, распределяющие между собой деятельность по характеру, но имеющие одинаковый объем власти. Это отражено и самим титулом *mkrb(mlk)/sb'* «мукарриб (царь) Саба'». Перед нами — своеобразное разделение властей, хотя его принцип не совпадает с привычными для нас способами разделения светской и духовной или законодательной и административной власти.

Действия мукаррибов и царей можно противопоставить по одной характерной черте — как повседневные и чрезвычайные. Действительно, вся деятельность мукаррибов — выполнение сакральных церемоний, общественное строительство и т. п. — направлена на удовлетворение повседневных нужд общества⁴⁰. Напротив, деятельность царей — издание законов и декретов, постройка оборонительных стен — есть экстраординарные меры, удовлетворяющие чрезвычайные нужды общества.

Такое противопоставление мукаррибов и царей, принятое хотя бы гипотетически, позволяет объяснить многие особенности материала, которые иначе кажутся нам необъяснимыми. Это — и идентичность ономастики, запретной для других лиц, и резкое различие в численности надписей, установленных мукаррибами и установленных царями, и частичное совпадение деятельности, например в области строительства (при резких различиях в других областях), и, наконец, неожиданное спорадическое опущение титула в надписях хорошо известных типов (например в декрете СИИ, 563 + 956).

В этой связи следует подробно остановиться на военных функциях правителей, которые в обычной интерпретации, как кажется, противоречат предлагаемой нами схеме. Действительно, военная власть, как чрезвычайная ситуация, по нашему предположению, должна находиться в ведении царей, но не мукаррибов. Между тем выше уже отмечалось, что данные о военных функциях царей очень немногочисленны; и наоборот, обычно считается, что военная деятельность составляла весьма важную сторону функций мукаррибов⁴¹. Более того, Г. М. Бауэр вообще считает военную функцию основной стороной деятельности мукарриба; он пишет: «Титул „мукарриб“, который присваивают себе те или иные правители, как правило, связан в надписях с приобретением или захватом новых территорий или с консолидацией внутренних сил страны для завоевания независимости и отпора врагам»⁴². Посмотрим, однако, на чем основывается это столь единодушное и определенное мнение.

О военных действиях сабейских правителей нам сообщает довольно значительное число надписей. Это прежде всего знаменитая надпись мукарриба Кариба'ила Ватара, сына Замар'алайа II — RES, 3945, над-

⁴⁰ В последнее время Ж. Рикманс предложил новую интерпретацию термина *mkrb*, на наш взгляд, — весьма убедительную. Он понимает этот титул как «собирающий подати» (*J. R u s k m a n s, La conception de l'Etat dans l'Arabie du Sud préislamique, в печати*). Сбор податей — важнейшая из повседневных государственных функций, и интерпретация Ж. Рикманса подтверждает наше толкование.

⁴¹ *J. R u s k m a n s, Institution...*, стр. 75—80; *P i g e n n e, Paléographie...*, стр. 143—148.

⁴² Бауэр, «Мукарриб» и «царь», стр. 24.

пись неизвестного правителя — RES, 3943 и довольно много фрагментов аналогичных текстов: СІН, 363 и 413; RES, 3916, 4417 bis и 4480. Но из всех этих надписей только в одной — RES, 3945 — содержится титул «мукарриб». В остальных титулатура автора отсутствует и их атрибуция мукаррибам основывается лишь на аналогии с RES, 3945. Однако по формуляру и схеме построения к этой же группе принадлежит и надпись RES, 3946, также установленная мукаррибом Кариба'илом Ватаром, сыном Замар'алайя II и сохранившая его титул, что приводило исследователей к естественному выводу, будто и во всех фрагментарных текстах можно смело реконструировать титул *mkrb*.

Однако надпись RES, 3946 не рассказывает и даже не упоминает о военных действиях Кариба'ила, говоря лишь о присоединении территорий. Это тем более удивительно, что оба текста, RES, 3945 и RES, 3946, говорят, несомненно, об одном и том же времени и об одних и тех же событиях, хотя под совершенно различными углами зрения. Присоединения земель, о которых рассказывает RES, 3946, были несомненно следствием походов и завоеваний, о которых сообщает RES, 3945. Если при таких обстоятельствах RES, 3946 совершенно не упоминает военных действий, то это можно объяснить только тем, что ее составитель намеренно избегает таких упоминаний.

В текстах сабейских правителей можно найти и другие примеры применения аналогичной «фигуры умолчания», по-видимому, в тех случаях, когда надпись рассказывает о действиях, не входивших теоретически в сферу деятельности правителя. Таковы надписи Ja, 540 и Ja, 541, где основной акт текста — размежевание земель — изображается как следствие незначительных строительных работ, благодаря чему текст приобретает формуляр и вид строительной надписи. Так же можно объяснить и случаи отсутствия титула в декрете СІН, 563 + 956, в надписях об установлении границ города (СІН, 610, 637) и, может быть, в посвятельном тексте СІН, 966. Это вызывает подозрение, что военная деятельность, которую так старательно обходит автор RES, 3946, не входила в компетенцию сабейских мукаррибов.

Таким образом, единственным свидетельством о военных функциях мукаррибов остается надпись RES, 3945, которая содержит и титул *mkrb*, и описание обширных военных действий правителя, названного этим титулом.

Но в формуляре RES, 3945 по сравнению с аналогичной надписью RES, 3946 имеется важное отличие как раз в титулатуре правителя: в нее после обычного титула *mkrb/sb'* добавлена фраза *bmlkhw* «в царствование (правление) его». Эта фраза обычно связывается с проблемой перехода власти в Сабейском государстве от мукаррибов к царям (или от царей к мукаррибам) и вызвала большую литературу⁴³. Однако проведенное выше исследование, на наш взгляд, показывает неправомерность такой интерпретации, так как переход власти от мукаррибов к царям нельзя рассматривать как единовременный акт.

Естественно связывать различие в формуляре с различием в содержании надписей и считать, что формула *bmlkhw* показывает, что RES, 3946 говорит о действиях, свойственных сану мукарриба Кариба'ила Ватара, а надпись RES, 3945 — о действиях, которые Кариба'ил выполнял не в качестве мукарриба, а в качестве *малика* (царя), т. е. предводителя сабейского ополчения⁴⁴. Таким образом, мы приходим к выводу, что военные

⁴³ См., например, J a m m e, *Paléographie... de J. Pirenne*, стр. 146—150; Б а у э р, «Мукарриб» и «царь», стр. 19.

⁴⁴ А. Г. Л у н д и н, О титуле *mlk* «царь» в Южной Аравии середины I тыс. до н. э., КСИНА, 46, 1962, стр. 202—212.

функции не были свойственны сабейским мукаррибам, но входили в сферу деятельности сабейских царей.

Анализ функций ранних царей Саба³ и сравнение их с функциями сабейских мукаррибов позволяет дать общую характеристику государственного строя Саба³ в I тыс. до н. э. Государство управлялось лицами, наиболее определенной характеристикой которых является не титул, а ономастика, табуированная для других лиц. Эти правители носят, как правило, титул *mkrb*, в редких случаях — титул *mlk*, причем обе категории имеют определенные и ограниченные функции. Регламентированность этих функций показывает, что правители Саба³ были не верховными носителями власти, а лишь представителями какого-то верховного суверенного органа. Надписи юридического характера (декреты) показывают, что таким органом был совет старейшин⁴⁵.

Как правило, задачи управления выполняли мукаррибы, ведавшие всеми «текущими» делами государства — общественным строительством, обеспечением культовой деятельности, сбором податей и т. п. В случае чрезвычайной необходимости, для ведения войны или проведения законодательных или налоговых реформ назначался особый правитель с чрезвычайными полномочиями — царь (*mlk*). По-видимому, на практике эти чрезвычайные полномочия достаточно часто получал уже находившийся у власти правитель-мукарриб, вероятно, — на определенное время.

Фактически уже в самое раннее время, отраженное имеющимися источниками, правители-мукаррибы имели достаточно власти и влияния, чтобы обходить в случае надобности существующие в теории ограничения. Это делалось различными способами: временным получением титула *mlk*, о котором свидетельствует надпись RES, 3945, или прямым «превышением власти», о котором, видимо, свидетельствуют надписи юридического характера, не упоминающие титула автора: CИH, 610, 637 и 563 + 956 (по-видимому, они принадлежат мукаррибам, не получавшим титула *mlk*, но осуществлявшим действия, входившие только в царские полномочия).

В более позднее время, во второй половине I тыс. до н. э., в связи с общим усилением государственной власти и социальными изменениями в сабейском обществе роль законодательной деятельности правителей заметно возрастает. Это показывает увеличение числа царских декретов в III—II вв. до н. э. и активная законодательная деятельность Йада³ила Баййина, сына Кариба³ила Ватара (CИH, 126, 562 и 601). Естественно, что царские прерогативы и царский титул становятся более важными и более желанными для правителя. Титул «царь» начинает применяться все чаще и постепенно вытесняет титул мукарриба. В результате долгого и постепенного процесса усиления власти правителя к I в. н. э. власть в Сабейском государстве окончательно переходит в руки царей.

Институт мукаррибов был широко распространен и в Катабанском государстве. Правда, правители Катабана известны по небольшому числу надписей, к тому же в значительной части происходящих из одного пункта — со стен столицы Катабана Тимна³ (что в очень большой степени увеличивает случайность их подбора), и значительно меньше исследованы. Однако бросаются в глаза сильные отличия катабанского материала от сабейского. Прежде всего, соотношение числа надписей мукаррибов и царей в Катабана совсем иное, чем в Саба³, — надписи царей даже преобладают. Титул катабанских правителей также заметно отличается от стандартного и краткого *mkrb* (*mlk*)/*sb*³ своей вариантноcтью, от краткого *mlk/qtbn* до чрезвычайно пространныго *mlk/qtbn/wkl/wld/m/w³wsn/*

⁴⁵ Л у н д и н, К возникновению..., стр. 50—52; ср. R u c k m a n s, La conception de l'Etat...

wkhd/wdhsm/wtbnw (Ja, 405) «царь Катабана и всех детей 'Амма, и 'Авсана, и Кахада, и Дахасама, и Тубанава»⁴⁶, включая промежуточные варианты. При этом, насколько мне известно, при титуле mkrb встречаются только пространные варианты (начиная с mkrb/qtbn/w(kl)/wld/'m), тогда как при титуле mlk обычен краткий, а пространные встречаются лишь изредка. Вообще титулатура катабанских правителей гораздо пышнее, чем у сабейских: рядом с титулом mkrb часто появляются и другие: bkr/'nby/whwkm «первенец 'Анбайа и Хавкама» (RES, 3540, 3881 и т. д.), gsw/'m «жрец 'Амма» (RES, 3880 и т. д.) и т. п.⁴⁷.

Ономастика катабанских правителей в отличие от сабейских не табуирована для других лиц. Вообще она представляется значительно более разнообразной и произвольной, какие-либо закономерности до сих пор не обнаружены. Возможно, впрочем, что это впечатление обманчиво и объясняется лишь неисследованностью проблемы и невозможностью в настоящее время произвести разделение ранних и поздних правителей Катабана. Так, если исключить имена, засвидетельствованные в текстах правителей только как имена их отцов, то окажется, что катабанские правители носят, видимо, лишь четыре имени: Хавф'амм, Шахр, Йада' 'аб и Ваврав'ил⁴⁸.

Несмотря на все различия, общее сходство института мукаррибов в Сабав'и в Катабана несомненно, и перед исследователями стоят те же проблемы: хронологическое разделение царей и мукаррибов и идентификация лиц с одинаковыми именами, но разными титулами.

Под влиянием более богатого и лучше изученного сабейского материала и установившихся взглядов проблема идентификации обычно решалась негативно во всех случаях, когда отсутствует какой-либо дополнительный материал⁴⁹, а такой материал до сих пор имелся лишь для одного правителя — Йада' 'аба Зубйана, сына Шахра. Последний же в двух несомненно связанных между собой надписях RES, 3550 и Ру, 390 назван мукаррибом и царем. Идентичность этих лиц общепризнана, хотя и существуют разногласия, был ли Йада' 'аб вначале мукаррибом, а затем царем, или наоборот⁵⁰.

Однако при непредвзятом взгляде катабанский материал явно показывает одновременное существование в этом государстве правителей с разными титулами и даже наличие у целого ряда правителей двух титулов сразу. Это блестяще показало недавнее исследование Г. Виссмана⁵¹. Он выделил, кроме Йада' 'аба, еще трех правителей, носивших и титул мукарриба, и титул царя: Йада' 'аба Зубйана Йухан'има, сына Шахра (RES, 3880 и ТС, 995), Йада' 'аба Гайлана, сына Фари'кариба (ТС, 1014 и Ja, 118) и Хавф'амма Йухан'има, сына Сумхуватара (RES, 3858 и Ру, 479). Он же отметил, что к позднему периоду, когда правители большей частью называют себя царями, относится надпись мукарриба Шахра Гайлана, сына Йада' 'аба ТС, А. Но Г. Виссман не пытается дать какое-либо объяснение этим явлениям.

⁴⁶ Надпись RES, 4328 содержит даже еще более длинный вариант.

⁴⁷ Однако рядом с титулом mlk эти дополнительные титулы в имеющихся надписях не засвидетельствованы.

⁴⁸ Имена Набат и Марсад появляются только у поздних царей Катабана, уже в I—II вв. н. э. (см. P i r e n n e, Le Royaume..., стр. 22—26 и табл., стр. 248).

⁴⁹ См., например, A. J a m m e, Notes on the Published Inscribed Objects Excavated at Heil bin 'Aqil, Washington, 1965, стр. 36, 38 и 83.

⁵⁰ W. F. A l b r i g h t, The Chronology of Ancient South Arabia, BASOR, 119, 1950, стр. 11; P i r e n n e, Paléographie..., стр. 227—237; B a u э р, «Мукарриб» и «царь», стр. 20—23.

⁵¹ H. W i s s m a n, Zur Archäologie und antiken Geographie von Südarabien, Istanbul, 1968, стр. 98—115.

Провести анализ функций правителей Катабана на основании имеющихся надписей, подобно тому как это сделано выше для сабейских правителей, в настоящее время не представляется возможным из-за состояния имеющегося материала. Многие надписи известны только в отрывках, содержащих лишь имя и иногда — титул правителя, тогда как содержание текста остается неизвестным. Зачастую не ясно, исходит надпись от правителя или частного лица. Кроме того, в ближайшее время следует ожидать публикации значительного числа надписей из американских раскопок столицы Катабана Тимна⁶, уже подготовленных к печати эпиграфистом экспедиции проф. А. Жаммом. Однако уже сейчас можно установить одну закономерность: все надписи юридического характера, которых для Катабана известно довольно много, установлены царями. Это позволяет сделать вывод, что и в Катабана мукарриб не имел законодательных (и, вероятно, военных) функций, свойственных только царю.

Сохранение титула «мукарриб» в более позднее, чем в Саба⁷, время и наличие нескольких пар омонимов показывает, однако, что развитие государственной власти, организованной первоначально по тем же принципам, что и в Сабейском государстве, шло в Катабана несколько иным путем. По-видимому, катабанские правители не заменяли один титул другим, как сабейские, а объединяли в своих руках оба титула (т. е. прерогативы нескольких должностей) на протяжении всего времени правления. Они лишь применяли в своих надписях, в зависимости от их характера, тот или иной титул. Это подтверждается включением в титулатуру катабанских правителей и других дополнительных титулов, как *gšw* «жрец», *qun* «управляющий» и т. д. (см. например, RES, 3880).

Царская власть в Южной Аравии возникает как экстраординарная магистратура, органически входящая в систему государственного управления; эта система, состоящая из совета старейшин, объединяющего представителей племен, на которые делилось население Сабейского государства⁵², и зависящих от него магистратов с фиксированными и ограниченными функциями и определенным порядком сменяемости, близка к республиканской. Таким образом, с известной степенью приближения можно сказать, что царская власть в государствах Южной Аравии возникает как орган республиканского строя. Лишь в результате длительного процесса развития царская власть, постепенно усиливаясь, подчиняет или подменяет другие органы этой системы, превращаясь к концу рассматриваемого периода в институт монархического государственного строя.

ROYAL POWER IN SOUTH ARABIA, IN THE FIRST MILLENNIUM B. C.

by A. G. Lundin

The relationship between the mukarribs and the kings, two different categories of rulers in the states of ancient South Arabia, is one of the most important problems in the history of ancient Yemen. Attempts have been made to solve it by studying the nature of the power and functions of the mukarribs; however, it can be solved by studying the functions of the kings.

The early «kings of Saba» (to the beginning of our era) bore names and by-names which were identical with those of the mukarribs but were taboo for other persons. There are very few inscriptions of the early kings. By their contents the texts are either «decrees» or building inscriptions. Inscriptions of other persons who mention the kings are also not numerous and say nothing about their activities. And so only two functions of the kings of Saba stand out: their political function, to which most of the inscriptions are devoted, and their function as builders, which played a secondary role. It should be noted that the

⁵² Л у н д и н, К возникновению..., стр. 55.

Sabaeen kings had no religious functions; the question of their military duties remains unclear.

The Sabaeen kings appear as rulers with limited and strictly defined functions. They are rarely mentioned in the inscriptions. Even in respect to their principal function, their political activity (publication of decrees and laws), they do not act independently, but only as representatives of the supreme legislative and administrative organ, the council of elders of Saba'.

Comparison of the Sabaeen mukarrib with the kings shows that the two institutions existed side by side (over a considerable period) and that the extent of their power and, partly, the nature of their activities coincided. The acts of the mukarrib and those of the kings are opposite in only one respect: as ordinary and extraordinary. All the activities of the mukarrib — the performance of religious ceremonies, the construction of public buildings, the collection of taxes — are directed towards fulfilling the ordinary needs of society; whereas the activities of the kings — the publication of decrees and laws, the building of defence walls — fulfil extraordinary needs. Military functions are usually ascribed to the mukarrib but are not attested in the available sources.

In the first millennium B. C. the Sabaeen state was governed by persons whose most characteristic feature was their names, which were taboo for others. As a rule these persons bear the title «mukarrib»; when necessary, they are given special authority to introduce reforms (legislation) or wage war, and then they receive the special title *mlk*, «king». Sometimes they are simply referred to by name, without any title. In practice, evidently, the authority to act as «king» was often granted, probably for a prescribed period, to a ruler-mukarrib who was then in office. At the end of the period under review (in the third to first centuries B. C.) the power of the ruler gradually increases and there is a transition to the title *mlk*.

A similar situation existed in Qataban, where all decrees were issued by kings; but here the rulers seem to have simply appropriated both titles.

Royal power arose in South Arabia in the form of an extraordinary magistracy and was an organic part of the governmental system, which consisted of a council of elders (tribal representatives) and magistrates with fixed and limited functions who were dependent upon the council of elders. Only as the result of a long evolutionary process the royal power, as it gradually grew stronger, suppressed or replaced the other organs of state power, and this, at the close of the period under review, led to the establishment of a monarchy.
